

МАТЭРЫЯЛЫ

IX МІЖНАРОДНЫХ
КІРЫЛА-МЯФОДЗІЕЎСКИХ ЧЫТАННЯЎ,
ПРЫСВЕЧАНЫХ ДНЯМ
СЛАВЯНСКАГА ПІСЬМЕНСТВА
І КУЛЬТУРЫ

Частка 1

МАТЕРИАЛЫ

IX МЕЖДУНАРОДНЫХ
КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ ЧТЕНИЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ДНЯМ
СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И КУЛЬТУРЫ

Часть 1

Белорусский Экзархат
Русской Православной Церкви
Европейский гуманитарный
университет
Факультет теологии им.
свв. Мефодия и Кирилла

Министерство культуры
Республики Беларусь

Белорусский государственный
университет культуры

***IX Международные Кирилло-Мефодиевские
чтения, посвященные Дням славянской
письменности и культуры***

«ЦЕРКОВЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТВОРЕНИЕ»

(Минск, 23 – 26 мая 2003 г.)

*Материалы чтений
Часть 1*

Минск • ООО «Ковчег» • 2004

ББК 86
УДК 2(063)
Д 25

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Э.М. Загоруйский**
кандидат исторических наук, доцент **О.В. Бригадина**

Ответственный редактор и составитель
кандидат исторических наук, доцент **А.Ю. Бендин**

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Международного общественного объединения «Христианский Образо-
вательный Центр им. св. Мефодия и Кирилла»

Д 25 IX Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры «Церковь и ответственность за творение»: Материалы чтений (Минск, 23 – 26 мая 2003 г.) В 2 ч. Ч.1 / Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-т культуры; Отв. ред. и сост. А.Ю.Бендин. – Мн.: ООО «Ковчег», 2004. – 230 с.

ISBN 985-6056-77-2
ISBN 985-6056-78-0

Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений посвящены проблемам богословского осмысления современной экологической ситуации, вопросам богословского и религиозно-философского знания, церковной истории, религиозного поведения и культурологии.

ББК 86
УДК 2(063)

ISBN 985-6056-77-2
ISBN 985-6056-78-0

© Международное общественное объединение «Христианский Образовательный Центр им. св. Мефодия и Кирилла», 2004

В.В.Акимов

ВАВИЛОНСКАЯ ПОЭМА «ЭНУМА ЭЛИШ» И РАССКАЗ БИБЛИИ О ТВОРЕНИИ МИРА БОГОМ

Письменные памятники древних народов, отличающихся своими религиозными представлениями, зачастую являют пример удивительно-го литературного сходства. Однако внешние параллели могут свидетельствовать не только о сходстве ряда представлений и родственности духовных традиций, но и о глубоком различии, существующем между отдельными древними культурами. Особенно рельефно выступают подобные отличия при сравнении внешне похожих друг на друга памятников, осуществляемом с религиозных позиций. Ярким примером тому могут служить два памятника, рассказывающие о возникновении мира и человека, - вавилонская поэма «Энума Элиш» и библейская книга Бытия.

Исследователи предполагают, что вавилонская поэма о сотворении мира «Когда вверху» была создана около XVI века до Р. Х. Появление данной мифологической поэмы было обусловлено политическим возвышением города Вавилона и, соответственно, необходимостью объяснения той особой роли, которую сыграл в истории мироздания вавилонский бог Мардук. Первую публикацию этой поэмы в 1876 г. осуществил Джорж Смит, который и нашел эту поэму на развалинах древней Ниневии. В течение столетий поэму читали в храме Мардука во время празднования Нового года. «Жрец уригаллу после ужина в конце дня прочтет поэму перед Мардуком от начала до конца. Пока он будет читать, передняя часть тиары Ану и трона Энлиля останутся покрытыми», - говорится в указаниях, относящихся к 4-му дню новогодних торжеств¹.

В поэме «Энума Элиш» говорится о происхождении богов и вселенной и об устройении земного порядка². Первоначально вселенная имела вид водного хаоса, содержащего в себе элементы пресных вод (Апсу), морских вод (Тиамат) и тумана, или облаков (Мумму). В то время еще не было богов, еще ничего не было названо и отмечено судьбой. В первичной стихии возникли боги Лахму и Лахаму, которые, возможно, олицетворяли первичный ил. После возникли Аншар и Кишар, породившие бога неба Ану и бога земли (или пресной) воды Энки. Рождение всех этих богов вызвало в мире неведомую ранее активность. Недовольный шумом и волнением Апсу выступил с советом уничтожить богов. Спасая свое существование, молодые боги решили

защищаться. Энки убивает Апсу, пленяет Мумму. От своей супруги Дамкины Энки рождает Мардука. Мардук, вступая в борьбу с Тиамат, убивает ее и рассекает ее тело на две части. Из одной части он делает твердое небо, а из второй – землю.

Усмирился Владыка, оглядел ее тело.

Рассек ее тушу, хитроумное создал.

Разрубил пополам ее, словно ракушку.

Взял половину – покрыл ею небо.

Сделал запоры – поставил стражей, -

Пусть следят, чтобы воды не просочились³.

Далее Мардук сделал небесные светила, расставил двенадцать звездных месяцев, начертив на небе рисунок дней года. Мардук определил время для луны и солнца. После устройства неба и земли Мардук, посоветовавшись с Энки, решает сотворить человека для помощи богам: «Пусть богам послужит, чтоб те отдохнули»⁴. Людей Мардук творит на крови повергнутого бога Кингу. Творение человека в поэме называется непостижимым деяньем. Боги, обрадованные тем, что отныне их бремя понесут люди, возблагодарили Мардука и построили зиккурат, чтобы отдохнуть на нем. Заняв свои места, боги начали пировать. Мардук отложил свое боевое оружие, лук. Заканчивается поэма величанием Мардука.

Данный миф имеет ряд удивительных соответствий с библейским повествованием. Эти соответствия начинаются уже с самого заглавия этих двух древних книг. Название вавилонской поэмы дано по ее первым словам. В рамках этой же месопотамской традиции даются названия библейских книг в еврейском тексте Пятикнижия.

Порядок творения мира в вавилонской поэме «Энума Элиш» очень напоминает библейский порядок творения.

В начале Бог творит землю и небо, что примерно соответствует рассказу вавилонского мифа о том, что в первобытной водной стихии зарождаются боги неба и земли, Ану и Энки.

По замечанию Й.Вейнберга, два рассматриваемых нами повествования объединяет «признание сотворения мира как процесса разделения изначально единого и неразделенного целого»⁵. Этим изначально единым в Библии является бездна, воды, а в поэме – водная морская стихия Тиамат. Более того, даже само название пра-материи в Библии и поэме совпадают: библейское слово *tehom/бездна* этимологически напрямую связано с именем Тиамат, о которой говорится в «Энума Элиш».

В книге Бытия Бог разделяет воды и появляется суша. Этот творческий акт может напоминать действия Мардука, который рассекает тело Тиамат и из разрубленных частей создает небо и землю, удерживая твердым небом верхние воды.

С водной стихией, бездной (*tehom*) мы встречаемся и в рассказе священнического кодекса о потопе. Если в начале Библии Бог разделил воды хаоса, выделяя пространство для своего творения, то позднее Он же открыл окна небесные, и мрачное пра-море обрушилось на творение. В истории потопа мы сталкиваемся еще с одним отголоском вавилонской поэмы. Заключая завет с Ноем, Бог дает знамение того, что в будущем потоп не повторится. Этим знамением является радуга на небе. Еврейское слово *qeshet*, использованное в Быт. 9:13, означает также боевой лук. В этом смысле рассказ о радуге как знаке завета, может быть понят в том смысле, что Бог в знак примирения отлагает свой боевой лук. Этот образ лука как божественного оружия возвращает нас к поэме «Энума Элиш», в которой именно с помощью лука Мардук убивает хаотическую власть воды, Тиамат.

Параллели к повествованию книги Бытия находим мы и в описании создания светил. Светила небесные создаются Богом для отделения дня от ночи, для знамений, времен, дней и годов. Подобным образом и в поэме после создания неба Мардук творит звезды, луну и солнце для разделения дней, годов, распознавания суток.

Творение в Библии завершается созданием человека из персти земной и духа Божия. В вавилонской поэме идея особой причастности человека к божеству выражается посредством рассказа о сотворении человека из крови поверженного бога Кингу, сторонника Тиамат. Известно, что в книге Левит подчеркивается особая связь души с кровью. Возможно, что в древности кровь ассоциировалась с душой. В таком случае божественное дыхание, оживотворившее библейского человека, тождественно божественной крови из вавилонской поэмы.

Рассказ Библии о возникновении человека имеет еще одно удивительное сходство с поэмой. Если библейскому творению человека предшествовал так называемый «совет Божий», то в мифе перед созданием человека прошло совещание Мардука с Энки.

В первой главе Библии Бог творит мир, вызывая к существованию его составляющие словом, произнося в своих творческих повелениях названия элементов мироздания. Во второй главе человек, наделенный образом и подобием Творца, словно дублируя акт божественного творения, дает имена животным, созданным ради человека, тем самым давая

санкцию на их существование. Поэма «Энума Элиш», описывая первичное состояние вселенной, в которой первоначально существовала

69

только водная стихия, а боги еще не возникли, сообщает, что ничего не было названо. О возникновении Лахму и Лахаму говорится: «Явились Лахму и Лахаму и именем названы были»⁶. Появление какого-либо явления в мире связывается с названием определенного явления. А немного дальше в тексте сообщается, что Мардук усыпил Апсу, сотворив заклинание, т.е. произнеся слова.

Окончание творения мироздания в обоих памятниках знаменуется божественным отдыхом. После творения мира библейский Бог почил. Подобным образом и вавилонские божества, создав мир и человека, стали отдыхать. Правда, их отдыху предшествовало построение святилища, а сам отдых получил выражение в пиршестве, и был во многом связан с тем, что бремя богов, их работа была возложена на человека.

М. Вайнфельд обратил внимание на связь, существующую между тремя повествованиями: библейским рассказом о божественном отдыхе после творения мира, рассматриваемой нами вавилонской поэмой и повествованием книги Исход о строительстве скинии⁷. Как уже говорилось, библейскому отдыху Бога от трудов после творения соответствует изложенное в поэме построение храма, воспринимаемого как место отдыха божества. Вместе с тем, в книге Исход, что заметил еще М. Бубер, завершение строительства скинии напоминает завершение творения мира. Характерно, что после построения скинии повторяется заповедь о субботе. Кроме того, в целом в Библии скинию/храм описывается как место покоя Бога (Пс.131; 8:14).

Говоря о параллелях между данными памятниками, можно вспомнить и о том, что в первых главах книги Бытия библейские критики выделяют два рассказа о творении мира – рассказ священнического кодекса и рассказ Ягвиста. Выделение двух источников повествования о создании мира, а также существование древних ближневосточных параллелей могут, как будто, поставить библейский рассказ, или два библейских рассказа, в ряд древних восточных мифов.

Действительно, открытие древних ближневосточных мифов, содержащих библейские параллели, произошедшее во 2-й половине XIX – начале XX в., отразилось в уничижительной оценке текста Священного Писания. Так в 1903 г. знаменитый Фридрих Делич заявлял, что «ветхозаветные поэты и пророки зашли так далеко, что стали приписывать подвиги, совершенные Мардуком, непосредственно Яхве»⁸. Однако со

временем исследователи стали обращать внимание не только на внешние сходства, но и на концептуальные отличия, существующие между текстами древних памятников.

70

Сравнение идейного содержания библейского рассказа о творении с вавилонской поэмой, а также другими подобными ближневосточными повествованиями, приводит нас к необходимости признания уникальности библейского рассказа. Рассмотрим важнейшие различия.

1. Космогония в Священном Писании не связана с теогонией. Даже более того, в Библии мы не находим основного мифа язычества – теогонии. Библия знает только одного Бога. «У Бога Израиля, - пишет И.Кауфман, - нет родословной, как нет родителей или потомства; Он ни от кого не наследует и ни кому не завещает своей власти... У Него нет половых признаков или желаний, как нет нужды или зависимости от каких-либо сил вне себя»⁹. Богодухновенный писатель в своем рассказе сознательно избегает даже малейших намеков на существование каких-либо других божеств, кроме Единого Бога-Творца. Например, говоря о сотворении светил, Библия подчеркивает их служебный характер, даже не называя их по имени, поскольку их имена звучат подобно именам астральных божеств, но обозначает солнце и луну как «светило большее» и «светило меньшее»¹⁰. Этот строгий монотеизм кажется удивительным, поскольку еврейский народ жил в тесном соприкосновении с племенами, имевшими развитую форму политеизма, культура которых оказала значительное влияние на форму изложения рассматриваемых нами отрывков.

2. Творение мира в Библии не связано с битвой богов за мировое господство. Внемифологична и борьба Израильского Бога с другими богами или с Его врагами. Яхве ни у кого не отнимает своей власти. В первобытной эпохе нет никаких богов кроме Него. Борьба Яхве с драконом, Рахавом, Левиафаном, морским змеем, упоминаемая в Библии, не является борьбой за мировое господство. Битвы, о которых упоминает Библия, происходят не между божественными силами, помогающими мирового господства, а между Богом и его тварями. По мнению И. Кауфмана, в Библии есть языческие аллюзии на битвы богов, имеющие связь не со сражением Мардука и Тиамат, а с ханаанскими сказаниями; в самой же ханаанской мифологии эти битвы не имели космогонического значения¹¹. Так что если рассказ Библии о творении и имеет литературное сходство с языческими космогониями, то в идейном отношении

он значительно превосходит их. Ягве – единственный Бог-Творец, создавший мир по благой воле, а не вследствие битвы в мире богов.

3. Бог творит мир из ранее не существовавшего. В Библии нет предсуществующей Богу материи. Бог творит мир не только через воздействие на первоматерию. Сама первоматерия творится Богом. Такие космические феномены, как свет, твердь, солнце, луну, небесное воинство

71

Бог творит из ничего одним творческим словом «да будет». Предсуществующей материи нет потому, что в Библии нет никакой теогонии. В творении мира Бог использует и вещество, но это вещество не является живым, оно не противится творению, не принимает в нем самостоятельного участия.

4. В библейском рассказе о творении мира совершенно особое место занимает человек. Мы уже говорили, что в первых главах Бытия мы сталкиваемся с двумя рассказами о творении. В центре первого рассказа, начинающегося с 1-го стиха 1-й главы и заканчивающегося 1-й половиной 4-го стиха 2-й главы, находится Бог-Творец, создавший вселенную и человека, который появляется последним и потому предстает как венец творения. В центре второго рассказа, открывающегося со 2-й половины 4-го стиха 2-й главы, находится человек, созданный по образу и подобию Творца. Во втором варианте космогонии все творится ради человека, который на этот раз является одним из первых творений. Первоначально кустарник и трава не росли, т.к. не было человека, возделывающего землю, говорится в Библии. А после появления человека в помощь ему Бог сотворил животных и птиц. Животные и птицы приводятся к человеку, чтобы тот дал им имена. Давая имена части творения, человек совершает акт, который до сих пор производил только один Бог. Человек становится соучастником творческой деятельности Бога или, по словам Э. Гальбиати и А. Пьяцца, «соратником Бога при окончательном устройстве мира»¹². В вавилонской поэме, как уже говорилось, представления о человеке также отличаются возвышенностью. Однако человеки вавилонского мифа, имея в своем составе частицу бога, создаются для службы богам, чтобы работать вместо них: «Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули»¹³.

5. Й.Вейнберг выделяет еще одну особенность библейской космогонии. По мнению этого библеиста, рассказ Библии в сравнении с вавилонским мифом не знает этно-территориальной ограниченности: «По своему главному функциональному назначению – служить гарантом

сохранения и обновления сущностных для своего социума явлений, миф имел, как правило, этно-территориальную направленность и границы, т.е. действовал внутри «своей» страны... и своего этноса»¹⁴. Сотворенная же Богом вселенная предстает как арена действия не одного народа, но всего человечества.

Литературное сходство, сходство терминологии, образов, имен, отдельных идей отходит на второй план при рассмотрении библейского рассказа как целостного повествования, подчиненного общей религиозной идее, имеющей уникальный характер. По словам диакона

72

Б. Боднара, «за сходством литературной формы лежит такое разительное несходство религиозного содержания, которое никак не выводимо из процесса естественной эволюции общечеловеческой мысли, но может быть объяснимо только сверхъестественным вмешательством в историю народа», создавшего книги Ветхого Завета¹⁵. Это сверхъестественное вмешательство проявляется в библейском учении о Едином и Единственном Боге, создавшем вселенную из ничего и поставившем во главе всего создания человека, наделенного образом и подобием Творца, призванного стать Его соработником.

---

¹ Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 342.

² Интерпретацию поэмы «Энума Элиш» см: Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В предверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001. С. 215-235.

³ Когда Ану сотворил небо. С. 46.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Вейнберг Й. Введение в Танах. М., 2002. С. 164.

⁶ Когда Ану сотворил небо. С. 35.

⁷ Вайнфельд М. Теологические течения в Пятикнижии // Библейские исследования. Сборник статей. Выпуск 1. М., 1997. С. 338-339.

⁸ Делич Ф. Вавилон и Библия // Классики мирового религиоведения. М., 1996. С. 361.

⁹ Кауфман И. Религия Древнего Израиля // Библейские исследования. С. 30.

¹⁰ Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. М., 1995. С. 86.

¹¹ Кауфман И. Религия Древнего Израиля. С. 32-33.

¹² Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. С. 91.

¹³ Когда Ану сотворил небо. С. 50.

¹⁴ Вейнберг Й. Введение в Танах. С. 370.

¹⁵ Боднар Б., диак. Первые главы книги Бытия и ближневосточные мифы. ЛДА, 1984. С. 20.